

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ

. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-2-85-94

УДК 930.2:811.512.1'373.21
ББК Ш12=63*316.1г(2)6

Г.Е. КОРНИЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ ОНОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: Пензенский край, Прихопоровье, Сердоба, Сердобск, принцип историзма, иранцы, тюрки, финно-угры, славяне, сарты, Сарт, -об, -оба.

Цель исследования – положить начало междисциплинарным дистанционным диалогам и полилогам по поводу осмысления и доосмысления конкретных географических наименований, включаемых в список культурно-исторических древностей Пензенского края, т.е. «северного участка “Дикого поля”», Верхней Суры, юго-восточной части Мещеры и Верхнего Прихопоровья». Целями нашего исследования, кроме указанных выше, является привлечение неучтенных данных и на основе их свидетельств подвергнуть оценке как общетеоретические рассуждения автора рассматриваемого труда, так и его конкретные доводы против возведения топонима Сердоба к *Сердаб «Холодная вода».

Материалы и методы. Основными материалами являются: книга М.С. Полубожова «Древности Пензенского края в зеркале топонимики», исторические, историко-этимологические и этимологические словари, географические справочники, энциклопедии, интернет-ресурсы («Википедия», «Яндекс-поиск» и т.п.). Основными методами являются: общепринятый историко-генетический, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, типологический и т.п.

Результаты исследования. В статье устанавливается ограниченность использованных и обобщенных автором книги «Древности Пензенского края ...» первоисточников, недостаточность аргументов для неприятия существующего возведения топонима Сердоба к иран. сардоба «холодная вода» и сомнительность возведения определения Серд-: ~оба к мужскому личному имени Сарт.

Выводы. Астионим Сердобск восходит к топониму Сердоб<*Сердаб «Холодная/Прохладная вода», если бы он восходил к Сердоба, то звучал бы не иначе как Сердобинск (ср. Актюба>Актюбинск, Ахтуба>Ахтубинская пойма и т.д.). Топоним *Сердоб в русском языке оформился как Сердоба в результате согласования по признаку грамматического (женского) рода с определяемым географическим номинативным термином река и вхождения в типологический ряд производных типа: жадоба, колдоба, сдоба, стыдоба, худоба и т.п.

Введение. Российская Империя, СССР, современная Российская Федерация – прямые наследники территорий, материальной и духовной культуры многих родов, племен и этносов, проживавших как в последние века до нашей эры, так и в первом тысячелетии новой эры в бассейнах величайших рек Восточной Европы: Днепра, Дона, Волги и их притоков, а также – Причерноморья и Прикаспия. В течение столетий непрерывно возрастала и проявлялась огромная цивилизационная роль восточнославянского этноса, главным образом – русскоязычного населения, отличительной чертой которого были и остаются веротерпимость, межэтническая толерантность, глубокий интерес к бережно наследуемым материальным и нематериальным памятникам культуры,

созданным полиэтническими предками, в большинстве своем – бесписьменными, не имевшими и иных атрибутов государственности, которые не оставили после себя летописаний, но все-таки задокументировали свое былое пребывание в виде передаваемых по наследству от поколения к поколению, от этноса к этносу названий топографических объектов, ценнейших вербальных памятников истории, которые не горят, не подвержены атмосферным воздействиям; будучи наименованиями более или менее значительных объектов, географические имена, как правило, функционируют одновременно в языках нескольких соседних этносов, поэтому в случае переименования одним этносом они остаются в письменной памяти других этносов. И, хотя Екатерина II заменила потамоним *Яук* на *Урал*, чтобы ничто не напоминало о восстании яицких казаков, тем не менее потамоним *Яук*, как и официально отмененные астионимы *Ленинград*, *Сталинград* и т.п., вычеркнуть из истории навсегда практически невозможно, ведь нельзя глобально запретить ученым заниматься изучением соответствующих периодов истории.

В случае отсутствия письменных источников главным источником исторических сведений о предках оказывается археология, но ее возможности ограничены во времени, поскольку все материальное или горит, или гниет, или подвержено атмосферным влияниям и т.п., поэтому следов проживания на данной территории, например, кочевых племен, все имущество которых сделано из дерева, кожи, необожженной глины, археологам обнаружить, как правило, не дано. А вот топографическое название, известное нескольким соседним этносам, может передаваться из поколения в поколение и (пусть в измененном, даже до неузнаваемости искаженном виде) способно дожить до нашего времени, при этом речь может идти не только и не исключительно о временах до нашей эры. В XXI в. и средневековье, и конец первого и начало второго тысячелетия нашей эры уже воспринимаются как древность, о последнем свидетельствует название замечательной книги известного пензенского журналиста, автора многих содержательных публикаций в периодических изданиях, активнейшего краеведа и патриота родного края, М.С. Полубоярова «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» [15].

Автор названной книги в целом успешно выступил сразу в трех ипостасях: как географ, историк, лингвист, указав в краткой аннотации, что «работа основана на архивных источниках XVII–XVIII вв., в том числе отказных книгах, хозяйственных описаниях, “Экономических примечаниях” к материалам Генерального межевания, картографических источниках XVIII–XIX вв. В центре внимания буртасская, мордовская, татарская топонимия северного участка бывшего “Дикого поля”, Верхней Суры, юго-восточной части Мещеры и Верхнего Прихопровья. Предлагаемые этимологии увязываются с местным ландшафтом и историческими реалиями Пензенского края» [15. С. 2].

Главная цель нашей публикации – положить начало междисциплинарным дистанционным диалогам и полилогам по поводу осмысления и доосмысления конкретных географических наименований, включаемых в список культурно-исторических древностей Пензенского края, т.е. «северного участка “Дикого поля”, Верхней Суры, юго-восточной части Мещеры и Верхнего Прихопровья». Целями нашего исследования, кроме указанных выше, является привлечение неучтенных данных и на основе их свидетельств подвергнуть оценке как общетеоретические рассуждения автора рассматриваемого труда, так и его конкретные доводы против возведения потамонима Сердоба к *Сердаб «Холодная вода».

Материалы и методы. Основными материалами являются: книга М.С. Полубоярова «Древности Пензенского края в зеркале топонимики», исторические,

историко-этимологические и этимологические словари, географические справочники, энциклопедии, интернет-ресурсы («Википедия», «Яндекс-поиск» и т.п.). Основными методами являются: общепринятый историко-генетический, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, типологический и т.п.

Результаты исследования

I. Через все введение красной нитью проходит мысль о недостаточности филологических методов в топонимике и обоснование положения, согласно которому «фундаментом топонимики (ее «во-первых») является история ..., во-вторых, география, географические признаки объекта, ... и лишь в-третьих – лингвистика» [15. С. 10]. Из приведенного до этого положения В.А. Никонова: «этимология – ничто, если она игнорирует причины, породившие названия. А эти причины – всегда и только исторические» – вытекает, что «географические и языковые факторы вторичны по отношению к историческим» [14. С. 27–28]. Следует признать, ближе всех к исполнению изложенных требований на сегодня остается составленный профессиональным историком И.К. Инжеватовым «Топонимический словарь Мордовской АССР» [9], хотя по объему, разумеется, его уже превзошел труд Д.В. Цыганкина [20].

Не возражая против мысли об исключительной пользе исторических данных, хотелось бы обратить внимание на то, что этих данных часто или недостаточно, или они отсутствуют вовсе. Это относится и к сведениям историко-географического плана. В последнем случае остается неизбежно довольствоваться данными историко-лингвистического или даже исключительно синхронно-лингвистического аспектов, при этом выручают до некоторой степени выработанные сравнительно-историческим и типологическим языкознанием правила, процедуры и приемы, обеспечивающие профессиональный подход к решению той или иной задачи, в свою очередь, здесь следует различать теорию и практику лингвистического анализа, главное, не выдавать непрофессиональный подход к конкретной проблеме за якобы негодность собственно языкового подхода вообще, или необоснованно умалить значение лингвистики для ономатологии вообще и топонимики в частности, а подобные попытки наш автор, к сожалению, допускает. Приведем два впечатляющих момента из его книги.

«Если рассматривать топонимику с философских позиций как фрагмент познания мира (читаем на странице 6, 7 названной книги. – Г.К.), то немедленно обнаруживаются слабости филологического решения топонимических проблем. Да, топоним является единицей языка, однако не совсем обычной. «В большинстве случаев географические названия – особый, отличный от других языковых слоев элемент» (Мурзаев, с. 9). Проводя различия между нарицательными словами и собственными именами, ученые доказывают, что нарицательные слова содержат в себе элемент понятийности, а имена собственные – номинативности. Имя нарицательное является обобщенным названием ряда однородных предметов, имя собственное – индивидуальным. (Марка автомобиля называет ряд однородных предметов, это имя собственное или нарицательное? – Г.К.). Наричательное слово – главный элемент лексикона, топонимы в общих словарях не печатаются (это верно, в России они включены только в переводном этимологическом словаре М. Фасмера, но вообще личные имена, правда, не топонимы, в некоторых странах, например, в Венгрии, бывает, включаются в общие словари; спорный случай – этнонимы, названия родов, племен, этносов, наций, в одних языковых традициях их считают именами собственными, в других – нарицательными. – Г.К.). Всякое нарицательное слово по набору знаков или звуков можно определить, из какого оно языка,

топонимы – не всегда (во всех языках наличествуют иностранные слова и разной степени освоенности заимствования, поэтому и нарицательное слово определить, из какого оно языка, часто затруднительно или почти невозможно. – Г.К.). А между тем филологи судят об их фонетическом составе по законам конкретного языка и языковых систем. Но таким путем можно трансплантировать в гидроним кокой угодно смысл, что и делается постоянно сторонниками узко филологического подхода» (хотелось бы услышать или увидеть полное имя хотя бы одного из этих «сторонников». – Г.К.) [15. С. 7].

II. Не называя конкретных имен и не делая абсолютно необходимых в данном случае ссылок, наш автор, в целях подтверждения своей оценки «узко филологического подхода», обращается к «гидрониму *Сердоба*». И вот что он пишет: «Возьмем гидроним *Сердоба*. В некоторых словарях (научный стиль требует здесь обязательной ссылки хотя бы на один из этих «некоторых» словарей! – Г.К.) его значение выводится из иранских языков, где *серд ап* – «холодная вода». *Сердобами* в Средней Азии (следовало добавить – и в Иране, в Малой Азии, включая *Ханаан*. – Г.К.) называли хранилища холодной воды. Предлагалась мордовская версия от *сярдо* («лось») (кем, когда «предлагалась»? – Г.К.). Происхождение окончания **-ба** в таком случае можно отнести на счет мордовского **пе>пеа** «конец», слегка пофантазировав вокруг семантики, продолжить расшифровку: > «голова» > «вершина» > «лосиная вершина». Не нравится? (Разумеется, географический номенклатурный термин *вершина* для названия реки совершенно неуместен, и весь этот пассаж представляет собой образец псевдонаучного анализа, и автором его должен быть кто угодно, только не филолог; приведенные мысли могли быть рассуждениями досужего патриота-краеведа. – Г.К.). Что ж, заменим на другое финно-угорское слово: *haara* – «ветвь, развилка, рог»; **h>s>capa** (филолог не мог бы допустить такую смесь латиницы и кириллицы; кроме того, в тюркских языках, например, в башкирском, невозможен переход **h>s**, а имеет место обратное направление **s>h**, то же и в финском, ср. финн. *heina* при латыш. *siens*, русск. *сено* [18. С. 601], другие примеры см. [12. С. 12, 16]. – Г.К.), **-да-** суффикс (его грамматический статус? – Г.К.), **capa-да* плюс **-ба** («конец, вершина»; «развилочатая вершина») (нет никаких оснований приписывать этот бред кому-либо из профессиональных филологов. – Г.К.). Не нравится **-да-ба**? Заглянем в Израиль с его священной горой *Сартаба* (где, кстати, археологами найдены сделанные из камня большие емкости для хранения воды)». Нашему автору, таким образом, представляется верхом нелепости сравнение потамонима *Сердоба* в Пензенском крае и ороним *Сартаба* на территории современного Израиля, хотя исторически оно вполне допустимо, поскольку оба находятся в пределах былого многовекового и многоразового пребывания ирано-язычного населения. Гора *Сартаба* имеет ряд других названий: *Сертаба*, *Авраам коен* (древне-евр.), *Карн Сартаба* (араб.), *Цартан* (идентификация спорная), *Александррион* (греко-римское). В трудах Иосифа Флавия, описывающих эпоху с 63 г. до н.э., когда Иудея стала вассалом Рима и с 70 г. н.э. лишилась автономного статуса, эта гора называется исключительно *Александррион*, древнеперсидские варианты *Сартаб-/Сертаб-* Флавий не упоминает ни разу, что, разумеется, для персо-/иранофоба вполне естественно. Археологам не было нужды искать «сделанные из камня большие емкости для хранения воды», так как пещеры-водосборники (при царе Ироде в 90-е гг. до н.э. их было более десятка, дождевая вода стекалась в них по акведукам с соседних вершин) в большинстве своем сохранились по сей день, об этом имеются вполне надежные сведения

на просторах Интернета. Главное, *Сартаба/Сертаба/Авраам коен/Карн Сартаба/Александрин* находится в *Иорданской долине*, а потамоним *Иордан* явно ирано-персидского происхождения, он входит в ряд многочисленных географических названий на *-дан* (десятки из них приведены в Атласе мира [3] на территории современного Ирана, за его пределами общеизвестны: с. *Шухирдан* на юге Чувашии, р. *Вардан* – исторический вариант названия р. *Кубань*, р. *Раздан* в Армении, замурованная р. *Эридан* в Афинах, р. *Родан/Rodanus* – совр. р. *Рона* во Франции и Швейцарии и т.д. [10. С. 160–161]), так что вполне закономерно наличие фонетических вариантов иран. *сердаб/сердабе* «подземное водохранилище», «погреб» и т.п. в Иранском Азербайджане, Бахтиарии, Мазендаране, Курдистане, в обратной последовательности: *Абсерде* в Луристане, *Абсерд* в м. *Сердаб* в Хорасане и Центральном Иране [3. Карты 182–183, квадрат Д–11], одновременно на Ближнем Востоке, в частности – на территории современных Израиля (и Иордании?).

III. Исток р. *Сердоба* на Приволжской возвышенности, будучи протяженным левым притоком реки *Холёр* (бассейн *Дона*), река протекает по Пензенской и Саратовской областям, ничего «одиозного» в иранском происхождении ее названия не может быть, так как вообще иранизмы изобилуют в нарицательной лексике всех без исключения тюркских и большинства финно-угорских языков, чего стоят коми, удмурт. *нянь* «хлеб» из среднеперсид., новоперсид. *nān* «хлеб» [12. С. 202a]!

Как видим, очень важен исторический подход, но степень его осуществимости подчас проблематична и для тех, кто на этом подходе настаивает. Так как автор «Древностей Пензенского края в зеркале топонимики» к рассмотрению потамонима *Сердоба* возвращается в следующем далее «Словаре» [15. С. 169], нам предстоит прокомментировать и этот вариант, начинающийся с анализа уже упоминавшейся этимологии «от мордовского *сярдо* «лось» (точнее: эрзян. *сярдо* «лось», мокш. *сярда* «лось», «олень», «заноза», *сярда ваз* «молодая лосиха». – Г.К.), что вполне справедливо названо здесь неудачным. Об известной большинству топонимистов статье в «Кратком топонимическом словаре» В.А. Никонова [13. С. 378] читаем: «Благодаря тому, что в Иране и Средней Азии несколько населенных пунктов носят названия *Сердаб*, *Сердабдал*, выдвинута этимология на материале иранских языков, где *сердап* – «холодная вода» ... Гипотеза внешне привлекательна, но **с ней трудно согласиться из-за одиозности иранского гидронима на юге Пензенского края** (? – Г.К.), да и температура воды в *Сердобе* не может служить отличительным признаком – она такая же, как в соседних реках» [15. С. 169].

IV. Оба возражения несостоятельны. Во-первых, иранизмы наличествуют не только «на юге Пензенского края», но и севернее, например, в мордовском языке фиксируются как индоиран. *Ра* «Волга», так и гидронимы на *-сар*, *сар-* (например, *Инсар*), с которыми перекликается *-сар* в составе лимнонима *Амрит-сар* «Бес-смертия озеро» [3. Карты 172, квадрат И-8; 173–174, квадрат Г–8] на севере Индии; *-сар* в составе *Хора Амак-сар* «Сар Черной Нёмочи» (затопленное Чебоксарским водохранилищем болотистое озеро на левом берегу Волги, немного выше г. Чебоксары). О соседстве балтийских и иранских этнических элементов ... в условиях гидронимического контакта см. [17. С. 194].

Во-вторых, определения *Холодный ...*, *Теплый ...* вполне обычны в гидронимии, любому, знакомому с индоиранским миром, известны: иран. *серд сир* «страна или местность в холодном климате», «летняя стоянка» и антонимичное

герм сир «страна или местность с теплым климатом», «теплый климат», «зимовка» (тюрк. *кышлак* на базе *кыш* «зима»), ср. топонимы: *Серд* (диалект Кермана – *Сард*), татск. *сарт* «холодный», антоним *герм* «теплый», дехестанские топонимы-антонимы: *Бехмен-Герм-сир* и *Бехмен-Серд-сир*, в обратной последовательности: р. *Тенге-Серд* в Бахтиарии, *Чешиме-серд* в Центральном Иране (крайне любопытны близость иран. *сир* и чуваш. *сёр* «земля, место, местность» при *йер*, *йир*, *джер*, *жер* и т.д. в других тюркских и монг.-письм. *sir~siruyai~siruyā* «земля и т.д.», марий. *сер*, *сир*, удм. *ёр*, коми *йир*... [19. С. 110]).

Обширный список индоиранских гомогенных параллелей к перс., тадж. *sard*, пехл. *sart* и т.д. «холодный» приведен в знаменитом словаре В.И. Абаева, при этом обнаруживается историко-лингвистический парадокс – собственно осетинское соответствие всему списку этих уже затемненных производных основ выглядит *særd* и означает «лето» («жаркая пора») [1. С. 64].

Указание «на температуру воды» известно и в других языковых традициях, например, выдающиеся специалисты в области балканистики, балтистики, славистики – академики РАН В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев в получившей высочайшую оценку со стороны В.А. Никонова книге «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» указывают как обычные названия рек: *Студеная*, *Студенец*, *Студеница*, *Студенка*, *Студенчик*; *Холодец*, *Холодник*; *Теплая*, *Теплиха*, *Теплушка*, *Теплянка* [17. С. 215]. Нет смысла приводить примеры из обширного круга других языков и языковых семей.

Кочевые и полукочевые ираноязычные племена Средней Азии, Казахстана, Прикаспия, Причерноморья и т.д. зимой устраивались на южных «теплых» станах, а в летнюю жару откочевывали, в частности, по Волге и Дону, в более прохладные северные станы; долина *Сердобы* обязательно привлекала их прохладными источниками и зелеными пастбищами, при этом они оценивали прохладу *Сердобы* без какого-либо сравнения с другими равнозначными реками, *Сердоба* была для них *Холодной* по сравнению с водными источниками, покинутыми ими на югах с наступлением весенних потеплений и летней жары.

V. «Более надежна этимология от половецкого мужского имени *Сарт* и термина *оба* – «род, племя, семья» (Словарь М. Кашгарского, 11 век)» – продолжает наш автор, при этом не замечая, что «Словаря М. Кашгарского, 11 век» в списке источников в (его) книге нет, страница не указана, а также остается неясным: и мужское личное имя *Сарт*, и термин *оба* восходят к М. Кашгарскому, или только термин *оба*? Словарь М. Кашгарского имеет несколько изданий: 1) Анкара, 1941; 2) Анкара, 1939–1941; 3) Анкара, 1957; 4) Будапешт-Лейпциг, 1928; 5) Ташкент, 1960–1963, Индекс, 1967, которое из них держал в руках и читал на турецком, немецком, узбекском языке наш автор? Уж не факсимиле ли рукописи на арабской графике, изданное Бесим-ом Аталай-ем? По крайней мере, в наиболее доступном для россиян узбекском издании [7] «половецкого мужского имени *Сарт*» не обнаруживается, здесь указаны лишь нарицательные имена: *сарт*-:~*сурт* – имитатив, звукоподражание шлепанью [7. Т. I. С. 328] (сопоставимо с чуваш. *шарт* то же, плюс *шарт*-:~*лама сивё* «трескучий мороз» [5. Вып. XVII. С. 138–141]. В 550-страничном Индекс-словаре ташкентского издания [7] отсутствует и термин *оба*, общеизвестный из других источников. например, из «Этимологического словаря тюркских языков» Э.В. Севортыяна, где для него указаны значения: 1. племя, род ... 2. жильё кочевника ... 3. семья кочевника ... 4. местожительство племени ... 5. пастбище кочевников ... 6. чужой, посторонний ... [16. С. 400].

Семантически для рассматриваемого случая с потапонимом *Сердоба* более других, разумеется, подходит «пастбище кочевников», но тогда не совсем

подходит привлеченное выше без требуемых ссылок личное мужское имя **Сарт*, более уместно выглядело бы привлечение псевдоэтнонима *сарт*, восходящего к древнетюркскому *sart* (из санскрит. *sartha*) «купец, торговец» [8. С. 490а], у М. Рясенена: «... среднетюрк., чагат. *sart* «купец», турецк. и т.д. *sart* «сарты», казах. «все городские жители Средней Азии» из санскрит. *sārta* «караван; процессия», ... монгол. *sartaγul* «туркестанцы», «родовые подразделения у бурят» ... [21. С. 405а], у Р.Г. Ахметьянова: *сарт* «сарт, дореволюционное название городских узбеков», диал. «гомосексуал» ~ башк. *һарт, сарт, һартай* «название одного из башкирских родов», «скупой, скряга; жадный» < общетюрк. *сарт* «сарт» < санскрит. *sarthavaha* «торговец, караванщик» (см. Бартольд II : 286, 327) [6. С. 286, 327]; карауйгур. *сартпау* «караванщик», башк. *һаркаш* < перс. *сарткаш* «скупец; караванщик», монгол. *сартаул* «мусульманин», *сартакту* «по-мусульмански» [4. С. 144б], у Х.Ч. Алишиной, между прочим, указаны ойконимы: с. *Сартам*, с. *Сартово*, *Сартовские юрты*, *Сартъеган пос.*, д. *Сартынья* [2. С. 468], ч. д. Сартлар [2. С. 511] в Западной Сибири.

VI. О псевдоэтнониме *сарт* имеется большое число статей в Интернете, в частности, согласно одной из них в Википедии, *сарты* – общее именование малых оседлых племен, таких как *кураминцы*, *мангиты*, *иронийцы*, *кунградцы*, *локайцы*, *дурмены*, *мигиды*, *юзы*, *барласы*, *катагонцы*, *карлуки* и т.д., всего более 90 племен и безродных групп, называвших себя по наименованиям местности, где проживали; крупнейшие из которых: *ташкентцы*, *кокандцы*, *хивинцы*, *бухарцы*, *самаркандцы*, *наманганцы*, *хорезмийцы* (кстати, у волжских булгар были прямые обширные и разносторонние связи именно с *Хорезмом*. – Г.К.) и т.д. ... среди *сартов* российские этнографы различали *курама* – оседлых степняков, проживавших преимущественно в переходящих районах, разделяющих место обитания кочевников и собственно *сартов*. Объединение разнородных племен под именем *сарты* было вызвано **необходимостью разделения кочевых** киргизов, казахов, туркменов, каракалпаков **и племен, ведущих оседлый образ жизни** ... Кочевники воспринимали *сартов* также как «безродных», имея в виду их **отказ от обычая не вступать в родство до седьмого колена**, обычая, который строго соблюдался среди соседних кочевых племен (любопытно, этот обычай соблюдался в старину и в чувашских общинах, где избегали брать в жены односельчанок, ср. поговорку: *Аттен йышĕ катĕлчĕ, сич-йот йышĕ хошĕнчĕ* «семья отца убавилась, седьмого колена семья прибавилась», вариант см. у [5. Вып. XII. С. 191].

VII. Таким образом, *Сарт*, если бы документально было зарегистрировано такое имя личное мужское, должно восприниматься как прозвище в ряду: *Сарт*, *Половец*, *Куман*, *Татарин*, *Черемисин* и т.д.; но очень сомнительно. чтобы *река Сердоба*, длиной 160 км, площадью бассейна 4040 кв. километров, могла быть «пастьбищным владением» **одного половца**, или кого-то из сартов, центральноазиатских купцов, торговцев, горожан, уже не имевших родоплеменного деления. Вероятнее допускать, что она могла какое-то время быть территорией одного или нескольких оседлых племен. Факт пребывания половецких племен «в верховьях реки (*Сердобы*. – Г.К.)» не нуждается в археологических подтверждениях, поскольку они в свое время вели полукочевой образ жизни на всем пространстве от Волги до Дуная (и не только). Но дело в том, что половец (кыпчаков, куманов) никто и никогда не называл *сартами*, они не могли допустить по отношению к себе термин *сарт* ни в качестве эндо-, ни в качестве экзоэтнонима, поскольку неземледельцы вкладывали в это имя оскорбительный смысл, допуская ложную, «народную» этимологию: *сарт*

из *сар ит* < *сарык ит* «желтая собака» (в Википедии полно публикаций на эту тему, во многих из них это объяснение принимается как истинное; представляется бессмысленным их пересказывать, достаточно общей ссылкой на Интернет). Между прочим, искаженное волжско-тюркское название р. *Волга* (башк. *Йзел*, татар. *Йдел*, чуваш. *Атӑл*, с ударением на 1-м слоге, из восточнославянского **Одѣл*), см. [11], в трудах историков, не владеющих соответствующими языками, передаваемое как *Итиль* (с ударением на последнем слоге) тоже воспринимается как словосочетание *ит ил* «собачья страна».

Астионим *Сердобск* не может восходить к форме *Сердоба*, поскольку производные с суффиксом *-ск* в русском языке изначально образовывались в основном от основ на согласный: *Архангельск*, *Борисоглебск* и т.д., а от основ на гласный они образовывали вторичные производные с предваряющим притяжательным суффиксом *ин-*: *Актюба* > *Актюб-ин-ск*, *Бараба* > *Бараб-ин-ск* и т.д., ср. *Ахтуба* > *Ахтуб-ин-ск-ая пойма*, следовательно, по правилам, от потамонима *Сердоба* должен получиться астионим **Сердобинск*; это значит, что *Сердобск* образован не от «зафиксированного на «старом» чертеже Московского государства (конец XVI века)» имени *Сартоба* (выдерживая чисто журналистский стиль повествования, автор не указывает в списке источников этот самый «старый» чертеж с требуемыми выходными сведениями), а восходит к более раннему (исторически еще никем не зарегистрированному, но по законам сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного языкознания должному быть) архетипу **Сердоб* или **Сердаб* (**-а->-о-* фонетически закономерный результат лабиализации под ассимилятивным влиянием губного ауслаутного *-б*).

Выводы. Архетип потамонима **Сердаб*>**Сердоб* стал в новое время (ориентировочно в XVI веке) *Сердоба* по двум причинам:

1. Определяемый русский географический номенклатурный термин *река* или *речка* (ведь полное географическое имя *Река Сердоба* или *Сердоба-речка*, ср. в фольклоре – *Волга-речка*), который на уровне языковой нормы обязателен, но в речи обычно лишь подразумевается и не используется (на географической карте символизируется условным графическим обозначением, чаще всего голубой или синей линией) требует согласования с определением **Сердаб*/**Сердоб* (для русского сознания слова мужского рода второго склонения) в отношении грамматического рода, т.е. требуется перевести его, существительное-определение **Сердоб* из второго мужского склонения в первое женское, в ряд: *жена*, *земля* и т.д.

2. Полученный потамоним *Сердоба* становится комфортным для русского слуха еще и потому, что находит свое законное место в системе русских лексических координат, оказавшись в ряду привычных: *жадоба*, *колдоба*, *сдоба*, *стыдоба*, *худоба* и т.д., в диалектном просторечии все это может произноситься с ударением как на последнем так и на предпоследнем слоге.

Сказанное считаем **главным выводом из всего вышесказанного.**

Литература

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М., 1958–1978.
2. *Алишина Х.Ч.* Исторический ономастикон сибирских татар: монография. Тюмень: Печатник, 2016. 576 с.
3. Атлас мира. М.: Гл. управл. геодезии и картографии МВД СССР, 1954.
4. *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I. А–Л. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 543 с.; Т. II. М–Я. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 567 с. (на тат. яз.).
5. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахăсен кенеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.
6. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I–IX. М., 1960–1975.

7. Дивану лугатит турк. Индекс-словарь. Ташкент: Фан, 1967. 515 с. (на узб. яз.).
8. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
9. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных пунктов. 2-е изд., доп. и испр. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. 264 с.
10. Корнилов Г.Е., Корнилова Е.А. О современных географических названиях на -дан (синхронический аспект) // Научные горизонты. 2019. № 6(22). С. 145–161.
11. Корнилов Г.Е. Итоги внутрисемейной дивергенции или результаты субституций? (Запоздалый полилог по поводу башкиро-татаро-чувашского названия реки Волги) // Ашмаринские чтения: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 21 октября 2022 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2022. С. 52–59.
12. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
13. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 510 с.
14. Никонов В.А. Введение в топонимику. М. 1965.
15. Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. 2-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во ЗАО «Фон», 2010. 224 с.
16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974. 767 с.
17. Топоров В.Н., Трубаев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / АН СССР. Ин-т славяноведения. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 270 с.
18. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубаева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. 3-е изд., стер. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. I–IV (= 1986–1987. СПб.: Азбука; М.: Терра).
19. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I–II.
20. Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове. Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск, 2004. 430 с.
21. Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

Gennadiy E. KORNILOV

FROM THE HISTORY OF ONOMATOLOGICAL DEVELOPMENT OF SOME TOPOGRAPHICAL OBJECTS OF PENZA REGION

Key words: *Penza region, Prikhoprovye (the Khoper region), Serdoba, Serdobsk, the principle of historicism, the Iranians, the Turks, the Finno-Ugrians, the Slavs, the Sarts, Sart, -ob, -oba.*

The purpose of the study is to initiate interdisciplinary remote dialogues and polylogues on sense-making and understanding specific geographical names included in the list of cultural and historical antiquities of Penza Region, i.e. "the northern section of the Wild Field, the Upper Sura, the southeastern part of Meschera and the Upper Prikhoprovye." The purposes of our study, in addition to the above-mentioned ones, are to attract unaccounted data and, based on their evidence, to evaluate both general theoretical reasoning of the author of the work in question and his specific arguments against leveling the potamonym Serdoba to "Serdab "Cold Water".

Materials and methods. The main materials are: M.S. Poluboyarov's book "The Antiquities of Penza Region in the mirror of toponymics", historical, historical-etymological and etymological dictionaries, geographical reference books, encyclopedias, Internet resources (Wikipedia, Yandex Search, etc.). The main methods are: generally accepted historical-genetic, comparative-historical, contrastive-comparative, typological, etc.

Study results. The article establishes a limited nature of primary sources used and generalized by the author of the book "Antiquities of Penza region ...", insufficiency of reasons for rejecting the existing leveling the potamonym Serdoba to Iranian sardoba "cold water" and dubious leveling of the definition of Serd-: ~oba to the male personal name Sart.

Conclusions. *The astyonym Serdobsk goes back to the potamonym Serdob<*Serdab "Cold/Cool water"; if it went back to Serdoba, it would sound no different than Serdobinsk (cf. Aktuba>Aktyubinsk, Akhtuba>Akhtuba floodplain, etc.). The potamonym *Serdob in Russian was formed as Serdoba as a result of agreement on the basis of grammatical (feminine) gender with the geographical nomenclature term river and entering into the typological series of derivatives of the type: zhadoba, koldoba, sdoaba, stydoba, khudoba, etc.*

References

1. Abaev V.I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Moscow, 1958–1978, vols. 1–4.
2. Alishina Kh.Ch. *Istoricheskiy onomastikon sibirskikh tatar: monografiya* [Historical onomasticon of the Siberian Tatars. Monograph]. Tyumen, Pechatnik Publ., 2016, 576 p.
3. *Atlas mira* [Atlas of the world]. Moscow, 1954.
4. Akhmet'yanov R.G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Tatar language. 2 vols.]. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2015, vol. I, 543 p.; vol. II, 567 p.
5. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Chävash sämakhësen këneki* [The dictionary of the Chuvash language]. Kazan, Cheboksary, 1928–1950, vol. 1–17.
6. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Collected works]. Moscow, Nauka Publ., 1960–1975, vols. 1–9.
7. *Divanu lugatit turk. Indeks-slovar'* [Turkic language dictionary. Index-dictionary]. Tashkent, Fan Publ., 1967, 515 p.
8. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., eds. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.
9. Inzhevaton I.K. *Toponimicheskij slovar' Mordovskoj ASSR. Nazvaniya naseleennykh punktov. 2-e izd., dop. i ispr.* [Toponymic dictionary of the Mordovian ASSR. Names of settlements. 2nd ed.]. Saransk, Mordovia Publ. House, 1987, 264 p.
10. Kornilov G.E., Kornilova E.A. *O sovremennykh geograficheskikh nazvaniyakh na -dan (sinkhronicheskij aspekt)* [About modern geographical names in -dan (synchronic aspect)]. *Nauchnye gorizonty* [Scientific horizons]. 2019, no. 6 (22), pp. 145–161.
11. Kornilov G.E. *Itogi vnutrisemeinoi divergentsii ili rezul'taty substitutsii? (Zapozdalyi polilog po povodu bashkiro-tataro-chuvashskogo nazvaniya reki Volgi)* [Results of intrafamilial divergence or results of substitutions? (A belated polylogue on the Bashkir-Tatar-Chuvash name of the Volga River)]. *Ashmarinskije chteniya: sb. st. Vseros. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 21 oktyabrya 2022 g.)* [Proc. of Rus. Conf. «Ashmarine readings»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2022, pp. 52–59.
12. Lytkin V.I., Guljaev E.S. *Kratkij jetimologicheskij slovar' komi jazyka* [Concise etymological dictionary Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 386 p.
13. Nikonov V.A. *Kratkii toponimicheskii slovar'* [Brief toponymic dictionary]. Moscow, 1966, 510 p.
14. Nikonov V.A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow, 1965.
15. Poluboyarov M.S. *Drevnosti Penzenskogo kraja v zerkale toponimiki. 2-e izd., dop. i ispr* [Antiquities of the Penza region in the mirror of toponymy. 2nd ed.]. Moscow, Fon Publ., 2010, 224 p.
16. Sevortyan E.V. *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yakzykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic vocalic stems]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.
17. Toporov V.N., Trubachev O.N. *Lingvisticheskij analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ya* [Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper region]. Moscow, 1962, 270 p.
18. Fasmer Maks. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987, vol. 1–4.
19. Fedotov M.R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary Chuvash. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vols. I–II.
20. Cygankin D.V. *Pamjat', zapechatlennaja v slove: slovar' geograficheskikh nazvanij Respubliki Mordovija* [Memory, embodied in the word: Dictionary of Geographical Names of the Republic of Mordovia]. Saransk, 2004, 430 p.
21. Räsänen Martti. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen.* Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

GENNADIY E. KORNILOV – Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (gennkorn@rambler.ru).

Формат цитирования: Корнилов Г.Е. Из истории ономастического освоения некоторых топографических объектов Пензенского края // Исторический поиск / Historical Search. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 85–94. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-2-85-94.